

A movie poster for 'The Price of Freedom' featuring a soldier in a futuristic city. The soldier, played by Yan Pokrovskiy, is wearing a blue and silver tactical suit with a name tag that reads 'КОЛЛИНС' (Collins). He has a serious expression and visible blood on his face. The background shows a city at night with a large moon and a flying vehicle.

Ян Покровский

ПЛАТА

ЗА

СВОБОДУ

18+

Ян Покровский
Плата за свободу

«Автор»

2024

Покровский Я.

Плата за свободу / Я. Покровский — «Автор», 2024

В этой книге органично переплелись такие жанры как боевая фантастика, политическая фантастика, социальная фантастика. Здесь читатель сможет окунуться в закулисные махинации высших элит, примет участие в операции по освобождению заложников, будет наблюдать за масштабными боевыми действиями. Борьба за свободу, патриотизм, самопожертвование с одной стороны противопоставляются похоти, извращенной морали и вседозволенности с другой.

© Покровский Я., 2024

© Автор, 2024

Ян Покровский Плата за свободу

Начальник отделения полиции Северного Манхэтгена Даниэль Гонсалес толком не спал уже вторые сутки. Непрерывная работа по двадцать часов сильно изматывала. Чтобы хоть немного отдохнуть, он занимал свободную камеру предварительного заключения, укладывался на откидной топчан и погружался в тревожный сон. Такая нагрузка свалилась на плечи Гонсалеса накануне церемонии открытия Статуи Новой Свободы. Торжество планировалось провести 28 октября 2086 года, ровно через двести лет после открытия первой Статуи Свободы. В Нью-Йорк непрерывным потоком прибывали министры, конгрессмены, мэры мегаполисов и другие влиятельные персоны из правительства и сената. Всем нужно обеспечить охрану, спланировать маршруты следования, проверить системы безопасности, согласовать свои действия с агентами ФБР и национальной гвардией. Поговаривали, возможно, приедет сам Господин Президент, но по имеющейся у Гонсалеса информации, он недавно провел процедуру омоложения организма и сейчас проходил курс реабилитации, поэтому его участие было под вопросом. Скорее всего, отрывать статую поручат министру социальной поддержки Соединенных Штатов Америки.

Прослужив в полиции не один десяток лет, Гонсалес досконально знал все тонкости и слабые места нелегкого труда обычного полицейского. Многолетний опыт помогал ему организовать работу подразделения максимально эффективно, а ясный ум давал возможность исключить осечки и проколы. Офицеры и сержанты его участка получили точные указания и сейчас все до одного были заняты. В связи с предстоящим торжеством все полицейские города были переведены на круглосуточное дежурство, хотя оплата сверхурочных не предусматривалась. Это называлось «плата за свободу» – граждане страны обязаны дополнительно работать на благо государства, которое, в свою очередь, обеспечивает для них свободу выбора, свободу мысли и свободу совести.

Из задумчивости Гонсалеса вывел звонок видеофона.

– Гонсалес, ответьте дежурному по городу, – на экране появилось лицо офицера полиции.

– Вижу, Гонсалес на связи, – Даниэль включил экран на своем устройстве.

– Сэр, дрон наблюдения зафиксировал инцидент на 215-ой улице, – сообщил дежурный, – это ваш район.

– Что там опять?

– Трое фёрстменов прессуют двух белых девиц. Похоже на принуждение.

– Принуждение к интимной связи не считается преступлением, – ответил Гонсалес, – Обычный инцидент. В чем причина такого внимания именно к этому случаю?

– Сейчас увидите, сэр. Вывожу видео с дрона на ваш экран, – картинка на видеофоне Гонсалеса сменилась.

В темном переулке трое фёрстменов избивали, рвали одежду и явно готовились изнасиловать двух молоденьких белых девушек. Фёрстмены отняли у них сумочки, двое сдирали с девушек одежду, а третий, самый здоровый, снимал все происходящее на камеру видеофона.

– Что скажете, сэр? – офицер с надеждой посмотрел на начальника отделения.

– Могу сказать, что это ограбление, – резюмировал Гонсалес, – направляй туда патрульный авиолет.

– Есть сэр, – радостно отрапортовал дежурный.

– Какой экипаж у нас там поблизости?

– 749-й, сэр.

– Там старший патруля сержант Харрис, – задумчиво, как бы советуясь сам с собой, произнес Гонсалес, – он, конечно, опытный офицер, но не хотелось его сейчас подставлять. Другие экипажи поблизости есть?

– Нет, сэр, это единственный. Завтра открытие статуи, поэтому все остальные автолеты направлены на усиление охраны по маршруту следования прибывающих делегаций.

– Хорошо, – наконец согласился Гонсалес, – передавайте 749-му ориентировку – ограбление.

– Благодарю вас, сэр, – бодро ответил дежурный.

Гонсалес нервно потер руки. Не хватало ему еще неприятностей с фёрстменами в такой ответственный момент. Если что-то пойдет не так, прощай должность начальника отделения. Переведут в лучшем случае постовым, а то и вовсе попрут из полиции. Да, нелегкие времена настали для полиции штатов. Хотя работа полицейского всегда считалась непростой. Его отец рассказывал про службу в органах правопорядка в двадцатые годы. В то время можно было сравнительно спокойно днем ходить по улицам Нью-Йорка, метро служило для перевозки пассажиров, а не притоном для бандитских группировок. Если судить по рассказам отца – это были относительно спокойные времена, сейчас все намного хуже. Среднее время жизни обычного полицейского сократилось до семи лет и продолжает уменьшаться каждый год. Запросто можно получить смертельное ранение в бесконечных зачистках бандитских притонов, могут переломать тебе руки или ноги при разгоне многочисленных демонстраций, а если травма серьезная, тогда руководство долго не думает и списывает из полиции по инвалидности.

Манхэттен считается еще тихим районом. В Бронксе, например, полицейские меньше пяти человек на патрулирование не выходят. Если предстоит ночное дежурство, в состав отряда включают взвод полицейских, полностью экипированных в бронежилеты и каски, в усиление придают бронированный грузовик с крупнокалиберным пулеметом и гранатомет.

Сегодня я, Майкл Коллинз, заступил в ночное дежурство на Манхэттене. Уже пять лет я работаю полицейским в Нью-Йорке, пытаюсь навести порядок хотя бы в небольшой части этого огромного города. Хотя, если честно признаться, удается это с трудом. Порой мне кажется, что город на половину состоит из бандитов, наркоманов, воров и психически ненормальных. Каждый день мне приходится участвовать в перестрелках, рейдах, облавах. Вот уже несколько месяцев я работаю напарником у старшего сержанта Харриса Райли – опытного полицейского, отработавшего в этом округе уже без малого, двенадцать лет и по праву считавшегося одним из самых уважаемых и знающих копов нашего отделения. Можно сказать, мне очень повезло, потому что Харрис уже несколько раз спасал мне жизнь. Сказывался его многолетний опыт. Еще бы, столько лет отработать – и все руки–ноги целы, количество ликвидированных и задержанных преступников – не счесть, а стена над его столом в отделении завешана благодарностями от полиции округа.

Патрулировать Манхэттен на автолете сплошное удовольствие. Медленно планируешь по улицам примерно на высоте 3-го этажа. Видеокамера станции слежения и контроля снимает широкофокусным объективом все вокруг, компьютер сразу обрабатывает полученную информацию, выявляя нарушителей спокойствия и преступников, находящихся в розыске. К счастью, такие здесь встречаются очень редко. Чтобы попасть на Манхэттен нужен спецпропуск, подозрительных личностей сюда не пускают.

Я пошел в школу, как и все подростки в Соединенных Штатах Америки, в десять лет. Закончил восемь классов, хотя многие мои друзья, получив обязательное образование, ушли уже после пятого года обучения. В свои неполные восемнадцать лет, взяв в долг у родителей немного денег, я оплатил курсы операторов автоматических фабрик, с возможностью работать под управлением искусственного интеллекта. Пару лет отработал на заводе крупной корпорации, но тут разразился очередной финансовый кризис и фабрику, на которой я работал,

закрыли, а меня сократили. Помотавшись еще с год безработным, я решил пойти в Полицейскую Академию Нью-Йорка. Тутгодились мои восемь классов общеобразовательной школы и дополнительное образование. Отец сразу меня поддержал, похлопал по плечу и сказал: «Держай, сынок». В полицию я пошел по своему убеждению. С детства, сталкиваясь с многочисленными преступлениями, бандитизмом и насилием, я видел несчастные лица потерпевших, и у меня всегда появлялось острое желание помочь им, защитить. Мне хотелось наказать зло и восстановить справедливость.

Уже к окончанию школы, я пользовался популярностью у девушек. Высокий, стройный парень с копной черных волос и карими глазами привлекал внимание противоположного пола. Пробовали ко мне и парни подкатывать, но все они получали отказ. Будучи мужчиной с нормальной ориентацией, мне всегда нравились девушки. Людей мужского пола я рассматривал исключительно как друзей или приятелей.

Мы как раз пролетали мимо огромного трехмерного рекламного баннера известной сети аптек, на котором предлагалось покупать наркотики только у них, обещая самое лучшее качество, когда видеофон нашей патрульной машины ожил.

– 749-ый, ответьте диспетчерской, – низкий голос дежурного офицера вывел меня из задумчивости.

– Слушает 749-ый, – ответил Харрис.

– На 215-ой улице ограбление. Ваша машина самая ближайшая к месту преступления. Вылетайте немедленно.

– Вызов принят, уже летим, сэр, – пробасил Харрис, и включил сигнальную сирену.

Я надавил на акселератор и бронированная летающая машина мгновенно ускорилась.

Мы помчались по ночному городу на вызов. Мимо мелькали рекламные голографические плакаты, витрины роскошных магазинов и фешенебельных отелей. Водить я умел и любил. Меня захлестывали волны адреналина, когда наш бронированный автолет рассекал воздух ночного города с ревущей сиреной, а мы со свистом пролетали на красный многоуровневый сигнал светофора и все автолеты шарахались от нас, как от ненормальных.

Место преступления мы нашли быстро, но это было никакое не ограбление. Трое молодых фёрстменов в темном дворе старого жилого здания избивали и уже были готовы изнасиловать двух белых девушек. Наш автолет плавно опустилась на землю прямо посреди двора.

– Фёрстмены, – сквозь зубы процедил я, – как же у меня руки чешутся дать им по морде.

– Тихо, Майкл, не горячись, потом неприятностей не оберешься, – Харрис расстегнул кобуру и положил правую руку на рукоять пистолета, – давай выйдем и спокойно разберемся. Камера работает?

– Да, все пишет, подмогу вызвал.

– Подмогу сейчас не дождешься, придется самим выкручиваться. Прожектором их ослепи, – Харрис вышел из машины и тут же присел, спрятавшись за дверцей автомобиля.

Девушки были в шоке. Одежду с них сорвали и она лохмотьями валялась рядом. Одна девушка стояла возле стены дома, постоянно всхлипывала, и вытягивала вперед правую руку, пытаясь отодвинуть нападавшего фёрстмена. У нее был разбит нос и по лицу текла кровь. Вторая сидела на земле, обхватив голову руками, надеясь защитить себя от сыплющихся ударов. Преступники прекратили избивать девушек и уставилась на нас.

Три фёрстмена, один с темно-черным цветом кожи, здоровее других и двое фёрстменов посветлее и помельче, пристально разглядывали внезапно появившуюся патрульную машину. У всех, как по команде, в руках появились пистолеты. Самый здоровый, я сразу определил его как вожака, в руке держал суперсовременный лазерный Glock-143, а его подельники были вооружены далеко не новыми баллистическими Smith&Wesson. Все оружие они направили на нас. Я постарался незаметно достать свой пистолет и снял с предохранителя.

– Эй, чего надо, – крикнул вожак, – валите отсюда пока живы, а не то сейчас наделаем в ваших жопах еще несколько дырок.

Двое его напарников заржали над глупой шуткой своего главаря.

– Нам поступил сигнал от диспетчера, на 215 улице ограбление, – сказал Харрис, – мы прилетели на вызов.

– Эй, слышь, ты тупой полицейский, где тут ограбление? Ты видишь? Я не вижу. Мы с беленькими телочками мирно развлекаемся. Слышал про закон о принуждении к интимной связи? Так что, давайте, валите отсюда, а то мы вас тоже сейчас отымеем, – вожак небрежно сплюнул себе под ноги. – Беляки хреновы, недочеловеки тупоголовые.

Фёрстмен явно был «под кайфом». Информацию об этом выдал бортовой компьютер автолета, сделав оперативный анализ воздуха. Глаза вожака банды яростно сверкали, дыхание участилось, раздувая и без того широкий нос.

– Успокойтесь, прошу вас, – Харрис вышел из-за машины, – видите, я убираю оружие, не надо нервничать. Мы окажем девушкам первую помощь и каждый пойдет своей дорогой.

Харрис положил оружие в кобуру, но руку с рукоятки пистолета не убрал. Он начал подходить ближе к фёрстменам, а я остался стоять за открытой дверцей автомобиля и нацелил свой пистолет на вожака.

– Стой, где стоишь, – взвизгнул вожак, – если вы сейчас же не свалите отсюда, мы вас пристрелим, но так, чтобы вы не сразу сдохли, а потом на ваших глазах поимеем этих беленьких сучек. Скажи, коп, тебе нравится смотреть, как трахают белых девок? Для них это будет платой за свободу, а для тебя урок, чтобы ты не совался не в свои дела.

Вокруг нас летал патрульный дрон, фиксируя все происходящее. В какой-то момент он приблизился к одному из фёрстменов, сканируя его своими датчиками. Фёрстмен навел на него пистолет и несколько раз выстрелил. Вожак тут же выстрелил в Харриса. Лазерный луч вспорол темноту улицы и ударил в бронежилет моего напарника. Сразу же начали стрелять и все остальные фёрстмены. Харрис перекатился, уходя с линии огня, я сделал пару выстрелов в вожака и, кажется, попал. Главарь взвыл и схватился за руку, вся троица сразу бросилась в темный переулок, отстреливаясь на бегу. Я выстрелил еще пару раз вдогонку и поспешил на помощь Харрису. Он лежал на боку, поджав под себя ноги, левой рукой стараясь зажать рану.

– Сержант, ты ранен? – я попробовал перевернуть Харриса на спину.

– Да, зацепил-таки, гребанный фёрстмен. – кривясь от боли, сказал мой напарник.

С левой стороны живота у него сочилась кровь. Лазерный луч прожег керамопластиковую броню, как лист бумаги. Видимо, у вожака фёрстменов было мощное оружие.

Через несколько минут, на обычном автомобиле с бензиновым двигателем, подкатила скорая помощь. Я успел вколоть Харрису обезболивающее и залить рану кровоостанавливающим гелем.

Видеофон на столе Гонсалеса противно захрюкал, а потом завизжал, как недорезанный поросенок. Такой сигнал он настроил на звонок начальника полиции города. Гонсалес мысленно напрягся, прокрутил все эпизоды, которые произошли за сегодняшние сутки, обдумывая, что вызвало бессонницу у высокого начальства. Скорее всего, уже доложили о происшествии с фёрстменом, а это значит, предстоял неприятный разговор. Просто так начальники полиции в час ночи не звонят.

– Вижу, Гонсалес на связи, – буркнул он в видеофон, включая экран.

– Это хорошо, что видишь, только ничего не смыслишь, – сразу начал орать на него начальник полиции. Изображение на экране так и не появилось, – что там твои полицейские себе позволяют? Опять фёрстмена подстрелили. Это уже второй случай за месяц, Гонсалес. Ты хочешь своей должности лишиться? Вылетишь с работы – и до свидания. Я тебе гарантирую, что во всем Нью-Йорке тебя даже постовым не возьмут.

Гонсалес спокойно пропустил мимо ушей гнев начальника, не в первый и не в последний раз он слышал от руководства такие комплименты в свой адрес, и продолжил молча смотреть в экран видефона.

– Ты что, Гонсалес, онемел? – не унимался начальник полиции, – ты меня слышишь или нет?

– Прошу прощения сэр, но не могли бы вы включить видеокамеру. Я вас прекрасно слышу, но не вижу. Вполне возможно, звонок сгенерирован хакерами или хуже того, сепаратистами. Я хотел удостовериться, что это именно вы, сэр, – Гонсалес сделал ударение на последнем «сэр».

– Вот ты скотина, Гонсалес, – изображение на экране видефона наконец-то появилось.

Шеф полиции города сидел за столом, на котором стояли недопитые бутылки дорогого виски и валялись небольшие пакетики с белым порошком. Из одежды на нем были надеты только форменные брюки с накинутыми подтяжками на голое тело. Скорее всего, брюки он надел в последний момент, перед предыдущим видеозвонком – подтяжки перекручены, одна ляжка болталась, толком, не закрепленная на поясе. Вокруг начальника полиции Гонсалес увидел несколько полуголых девиц из состава положенных ему по статусу социальных помощников.

– Вот теперь я вас вижу, господин начальник полиции, – усмехнулся Гонсалес.

– Все шутишь, – зло посмотрел на него шеф, – смотри, дошутишься у меня. Ладно, к делу. Час назад, твои тупоголовые раздолбаи, ранили сына начальника департамента транспорта Нью-Йорка. Что это за шишка – тебе не надо объяснять.

– Это было ограбление и нападение на полицейского с использованием оружия. Мой подчиненный получил тяжелое ранение. У нападающих был лазерный Glock-143. Мои офицеры действовали в рамках закона, – сразу парировал Гонсалес.

– Не перебивай старших по званию, я сам все прекрасно знаю. Видео с дронов я уже просмотрел и сразу же приказал удалить. Сегодня открытие Статуи Новой Свободы и нам не нужны неприятности, тем более, с фёрстменами. Подчисти у себя все, видео с патрульного автолета полицейских удали. Стреляли первые твои подчиненные, никакого ограбления не было. Этим олухам по выговору. Ты все понял?

– Сэр, полицейский получил ранение, ему положена компенсация. Если мы признаем виновным в происшествии нашего сотрудника, в таком случае никаких дополнительных выплатах он не получит.

– Ты что, тупой, Гонсалес? Делай, что тебе говорят или завтра вылетишь с работы. Это не мои проблемы, это ваша плата за свободу. Понял меня? – начальник полиции не стал дожидаться ответа и прервал видеозвонок.

Гонсалес устало потянулся, достал сигарету и начал курить, делая глубокие затяжки. Четко продуманный и несколько раз отрепетированный план начал разваливаться, еще не успев начаться. Он постарался предусмотреть каждую мелочь. Харриса поставил на самый спокойный участок, проинструктировал его, чтобы не подставлялся. Тут уж, как говорится, от судьбы не уйдешь. Если что-то должно произойти, это обязательно произойдет. Харрис ранен, найти ему замену в такие короткие сроки практически невозможно. Логика и здравый смысл подсказывали два варианта. Первый и самый оптимальный – отменить намеченную операцию, второй, и самый рискованный – послать вместо Харриса другого сотрудника. В его отделении служило много хороших полицейских, но такую ответственную миссию он мог доверить только проверенному и, самое главное, сообразительному работнику.

– Спокойно, Даниэль, не торопись. Подумай, что можно сделать, – размышлял он сам с собой, – напарником у Харриса был Майкл Коллинз. Давай посмотрим, что этот молодой полицейский из себя представляет. Помнится, Райли его всегда хвалил.

Гонсалес открыл личное дело Коллинза и стал читать загруженную на экран информацию – образование восемь классов, в полицию пошел по убеждению – хочет навести порядок, по крайней мере, в пределах отведенного ему участка. Есть постоянная сожительница и даже содержит воспитанницу. Наркотики не принимает, никаких операций по смене пола и других извращенных наклонностей за ним не замечено. Ну что ж, Майкл, посмотрим, сможешь ли ты заменить Харриса.

Когда Харриса отправили в больницу, а девушек передали врачам, я поехал в участок. Меня вызывал шеф нашего отделения полиции.

В отдел я вошел часа в два ночи, шеф сидел у себя в кабинете и дымил сигаретой. В здании полицейского участка запрещено курить, но шефу на это было глубоко наплевать. Странно, алкоголь и слабые наркотики употреблять было можно, а вот курить – нельзя.

Парни в участке мне кивнули. У них сегодня была не такая спокойная ночь, как у меня – кто-то брал штурмом банк, захваченный грабителями, кто-то зачищал станции метро. Надо сказать, зачистка подземки у нас считалась самым опасным мероприятием. Метро стало практически законной территорией бандитских кланов. На каждой станции банды оборудовали для себя штаб-квартиры, из мешков с песком или бетонных блоков соорудили огневые точки, установили в них крупнокалиберные пулеметы и гранатометы, а по периметру поставили системы слежения. В метро велась постоянная мини-война. Бандитские группировки воевали друг с другом, и в тоже время, отбивали нападения полицейских. Обыкновенные граждане в подземку не спускались, выйти оттуда живым было просто не возможно. Естественно, поезда в метро давно не ходили.

Гонсалес славился своей прямолинейностью и неподкупностью, был одним из немногих, оставшихся в строю, полицейских старой гвардии, выполнявших свою работу на благо государства и посвятивший свою жизнь борьбе с преступностью. Он очень щепетильно относился к подбору персонала, поэтому в нашем отделении работали только нормальные мужчины и женщины. Гомосексуалистам, трансгендерам и наркоманам вход в наш участок был строго запрещен.

Гонсалес сидел, облокотившись на стол, в одной руке держал стилус, в другой сигарету. Стилусом он довольно быстро царапал что-то в своем планшете, периодически подносил сигарету к губам, делал короткую затяжку и выпускал сизое облако табачного дыма. Шеф показал мне рукой, в которой держал сигарету, на стул, при этом пепел с сигареты упал ему на планшет.

– Будь оно неладно, – тихо ругнулся Гонсалес, сдувая пепел с экрана, – рассказывай, что вы с Харрисом сегодня устроили? Фёрстмена подстрелили? Мне уже начальник полиции Нью-Йорка звонил и был сильно недоволен вашим поведением.

– Сэр, нам поступила ориентировка на ограбление. Когда мы прибыли на место происшествия, сразу увидели, как, трое фёрстменов избивают двух белых девушек, рвут на них одежду и пытаются принудить к интимной близости.

– Это я знаю Майкл, – шеф устало махнул рукой, – ограбление было?

– Да, сэр. Они отняли у девушек видеофоны и сумочки.

– Хорошо, а кто первым начал стрелять?

– Их вожак сэр, самый здоровый фёрстмен. У него был лазерный Glock-143. Его ни с чем не спутаешь, большой ствол с охладителем и огромный накопитель в виде рукоятки. Я такую модель только по телевизору видел.

– Я все понял, Майкл, – Гонсалес еще раз затянулся сигаретой и затушил ее в пепельнице, – значит так, видео с твоего автолета удалишь, в рапорте напишешь, что это вы первые начали стрелять. Не разобрались, было темно и все такое. Сожалеете о случившемся. Получите по выговору с Харрисом, и на этом дело замнем. Или меня и вас завтра вышвырнут с работы. Понял меня, офицер?

Если честно сказать, я был не удивлен. Такие неприятности стали случаться в последнее время все чаще – то оштрафуют, а то сверхурочно заставят пахать несколько суток. Зарплаты на жизнь катастрофически не хватало, а вкалывать приходилось все больше.

– Не совсем, сэр. Фёрстмены нарушали закон, мы обязаны были принять меры. Сэр, я считаю, что мы сделали все правильно.

– Майкл, ты хочешь завтра быть уволенным?

– Нет, сэр.

– Тогда иди и выполняй, что тебе приказано. Все, разговор окончен.

– Разрешите идти, сэр.

– Постой Майкл, – Гонсалес остановил меня, помолчал несколько секунд, закурил новую сигарету и только после этого продолжил разговор, – есть вариант компенсировать тебе штраф от предстоящего выговора. Старший сержант Харрис Райли получил ранение, а ведь он назначен в оцепление на завтрашнем, – Гонсалес посмотрел на часы, – нет, уже сегодняшнем открытии Статуи Новой Свободы, слышал об этом?

– Конечно, слышал, сэр. Все стереовизоры и весь интернет забиты рекламой предстоящей церемонии. Я видел ролики – колоссальное сооружение, просто дух захватывает, триста метров в высоту вместе с постаментов, двести метров высота самой Статуи.

– Да, все верно. Только пол-Гудзона для этого пришлось засыпать и старую Статую Свободы снести, – усмехнулся Гонсалес, – чем она им помешала, не понимаю. Построили бы рядом новую, так нет же, у нас теперь Новая Свобода и, естественно, должна быть новая статуя, – в голосе Гонсалеса почувствовалась нескрываемая ирония, – а чем эта Новая Свобода лучше старой? Ладно, сейчас не об этом. Ты пойдешь в оцепление вместо Харриса. На твой видеодфон я сброшу все координаты и телефоны, также выпишу тебе направление и коды пропуска. У тебя четыре часа Майкл, пока можешь отдохнуть в любой свободной камере. Слушай меня дальше сынок, – Гонсалес пристально посмотрел на меня, – это большая ответственность. Тебе предстоит защищать самого министра социальной поддержки Соединенных Штатов Америки. Ты знаешь, какая обстановка сейчас в стране – полно бандитов, террористов, сепаратистов, которые ходят по улицам городов с винтовками в руках и стреляют в кого попало. Для обеспечения порядка на церемонию соберут сотни полицейских и агентов ФБР, но, поверь моему опыту, никакие мероприятия не могут гарантировать стопроцентную безопасность. Тебе предстоит доказать, что ты настоящий полицейский, Майкл.

Запомни, – продолжал мой шеф, выпуская сигаретный дым в потолок, – к семи утра тебе надо добраться до здания полиции округа. Там найдешь майора Мартина Миллера, он тебе все объяснит. Твоя задача – быть бдительным, контролировать обстановку, а если что-то произойдет, действуй так, как тебя учили. Применяй все навыки и опыт, полученные тобой за эти годы. Кстати, давай-ка освежим память, расскажи мне твои действия при покушении на охраняемый объект.

– Первое, что должен делать полицейский, – начал я вспоминать курсы Полицейской Академии, – обеспечить защиту объекта и как можно быстрее вывести его из опасной зоны, представляющей угрозу для поражения.

– Так, правильно, – Гонсалес откинулся на спинку кресла, – теперь давай уточним, каким образом ты можешь обеспечить защиту охраняемого?

– В первую очередь спецсредства, сэр. Бронешиты, дымовые шашки и собственным телом.

– Отлично, Майкл, – одобрительно кивнул головой мой начальник, – теперь скажи, в каких случаях допускается применение полицейскими огнестрельного оружия на массовых мероприятиях, если тобой обнаружен террорист с пистолетом или винтовкой в руках.

– В случае обнаружения вооруженного террориста на массовых мероприятиях с большим количеством людей, применение боевых средств ликвидации не рекомендуется, – отчеканил

я, – необходимо, в первую очередь, сообщить по рации о выявлении террориста, передать его приметы, затем попытаться обезвредить нарушителя собственными силами. Для этого необходимо использовать шокеры или парализующие пули.

– Достаточно, – остановил меня Гонсалес и выдохнул из себя целое облако дыма – все, теперь можешь идти отдыхать.

Как только Коллинз ушел, Гонсалес плотно закрыл дверь своего кабинета, вытащил из верхнего ящика стола небольшое прямоугольное устройство, нажал кнопку включения, дождался, когда загорится зеленый индикатор и только после этого набрал на своем личном видеофоне номер Мартина Миллера. Именно он сейчас руководил всеми мероприятиями со стороны полиции по обеспечению безопасности предстоящего открытия Статуи Новой Свободы.

– Привет Мартин, – Гонсалес непроизвольно улыбнулся. Он рад был видеть старого друга, – я включил глушилку, звонок по безопасному каналу. Ты уже слышал – Харрис получил ранение.

– Привет Даниэль, – Мартин тоже улыбнулся, но улыбка у него получилась натянутой, – я понял тебя, глушилку тоже включил. Про Харриса узнал только что. Что будем делать, может отменить операцию? Перенесем на более удобный случай.

– Сам понимаешь Мартин, удобный случай может подвернуться очень не скоро, – Гонсалес также натянуто улыбнулся, – вместо Харриса я направлю к тебе его напарника, Майкла Коллинза. Парень сообразительный, восемь классов окончил. Я его проинструктировал, он найдет тебя, как только к вам доберется.

– Восемь классов? И работает в полиции? – Мартин откровенно удивился, – с таким образованием он может оператором на автоматических фабриках работать. Где ты его нашел?

– Потом расскажу, – Гонсалес уже валился с ног, глаза слипались. Ему до изнеможения хотелось прикорнуть хотя бы пару часов, но с Мартином нужно было обязательно переговорить.

– Скажи Гонсалес, этот твой Майкл – он в курсе всех событий, ты ему все рассказал?

– Нет, он будет работать «втемную».

– Так, – Мартин отхлебнул кофе и пристально посмотрел на Гонсалеса, – уже становится интересно. Ты представляешь, каких дел он может наворотить?

– Поэтому и звоню тебе. Давай подумаем, как минимизировать возможные негативные последствия.

– Будем импровизировать, Даниэль, как в старые добрые времена, – Мартин покрутил пальцами у своего виска, – я сам лично усиленно его проинструктирую.

– Для этого тебе и звоню, Мартин. Это правильное решение, но я тебя прошу – не сотри ему память полностью. Майкл – хороший парень, он может нам еще пригодиться.

– Не переживай, ты же меня знаешь.

– Знаю, поэтому и предупреждаю. И еще просьба – выдай ему самый лучший, самый надежный бронежилет.

– Тут без вариантов, старина. Всем участникам оцепления выдадут бронированные комплексы последнего поколения «Защитник 5». Это целый скафандр, надежней не найти. Хотя есть у меня одна мыслишка, так и быть, добавлю ему ленточку на пояс.

– Отлично, Мартин. Если что – я всегда на связи.

Президентский номер в самом престижном отеле Нью-Йорка поражал своей напыщенностью, показным богатством и, в тоже время удивлял своей безвкусицей, выразившейся в довольно неуспешной попытке совместить современное искусство и винтажную отделку номера. Все три комнаты были заставлены мебелью из натуральных пород черного и красного

дерева, блистали позолотой дверных ручек, настенных светильников, люстр на потолке, столов, стульев и дорогих напольных зеркал. На стенах, в позолоченных рамках, висели массивные картины выдающихся мастеров 20-го века. В то же время, в это многообразие роскоши и богатства, дизайнеры отеля нелепым образом пытались вклинить шедевры современного искусства. Огромный черный мужской фаллос, два метра высотой, с взбирающимися по нему миниатюрными, обнаженными, белыми женскими фигурками, украшал одну из комнат. В другой комнате – не большой фонтанчик, установленный на широкой тумбе, был выполнен в виде женской вагины. В третьей комнате – настольная лампа представляла собой обнаженного транссексуала, с эрогированным penisом. Чтобы включить свет, нужно было нажать на мужской орган, а если выключить – дотронуться до обнаженной женской груди.

Холодильник в номере был заполнен прохладительными напитками – виски, текилой и другим элитным алкоголем. В отдельной нише, в шкафу, в дорогих шкатулочках, аккуратно уложены слабые наркотики и необходимые принадлежности для их использования.

Министру социальной поддержки Соединенных Штатов Америки, Оливер-Ванесса-Френсис-Элизабет, сегодня ночью не спалось. Во время перелета из Вашингтона, ему удалось немного вздремнуть, но это не исправило положения. Все тело ныло и зудело, глаза слипались, зад надсадно болел, да к тому же еще и тошнило.

– Страсть к здоровенным, атлетически сложенным мужчинам, меня когда-нибудь погубит, – подумал министр, с наслаждением вспоминая прошедшую ночь, – а ведь надо хотя бы пробежать глазами речь, которую завтра он будет произносить на открытии Статуи Новой Свободы.

Вчера министр был на оргии, устроенную Господином Президентом, по случаю успешно проведенной очередной операции по омоложению. Оливер перебрал с галлюциногенами и другими легкими наркотиками, кажется, даже героином побаловался, но этот момент он уже плохо помнит. Хорошо хоть тяжелые наркотики не стал принимать. Господин Президент так набрался на элитной вечеринке, что уже к трем часам ночи двух слов связать не смог.

– Надо опять делать операцию по замене внутренностей, и чем быстрее, тем лучше, – подумал министр, с блаженством делая глотки газированной холодной воды, – поменять все органы: печень, почки, пищеварительную систему, легкие. Быстро, однако, он измотал свое тело после очередного омоложения, даже года не прошло. Его доктор сказал, что сейчас материал (так он называл донорские органы) пошел второсортный. Доноров со здоровыми органами становилось с каждым годом все меньше. Многие страдали врожденными болезнями печени и почек, слабый кишечник был у каждого второго, а хорошие легкие вообще очень трудно найти. Если так и дальше пойдет, операцию по омоложению нужно будет ждать несколько лет, а это значит следить за своим здоровьем, алкоголь принимать в умеренных дозах, с наркотиками завязать. Министра аж покорило, когда он об этом подумал. Лучше через парламент протолкнуть закон, разрешающий принудительный ввоз молодых и здоровых иностранцев. Как сказал тот же доктор, хороший и дешевый материал сейчас можно легко достать в Бразилии, Аргентине или других странах Южной Америки. Из остальных стран воровать людей опасно – можно нарваться на международный конфликт.

После каждой замены органов от молодых доноров его организм сразу преображался – повышалось либидо, кровь играла по жилам, чувствовался прилив сил. Снова можно веселиться и ни в чем себе не отказывать, будь то оргии, наркотики, выпивка, а лучше все вместе. Его положение позволяло и не такое.

Министр разделся и решил принять душ. В огромной ванной комнате одну из стен, полностью, от пола до потолка, занимало зеркало. Проходя мимо, министр задержался и стал разглядывать себя. На первый взгляд ему можно было дать 30-35 лет, но на самом деле он был намного старше. Его худощавое тело с шоколадным цветом кожи в некоторых местах покрывали татуировки. Чтобы сделать заметней, их набивали яркими голографическими красками.

Новомодный пирсинг из драгоценных металлов, инкрустированных бриллиантами, украшал уши, нос и пупок. Увиденным министр остался доволен. По мнению Оливера, именно так должен выглядеть министр социальной поддержки Соединенных Штатов Америки.

После душа ему стало легче. Оливер плеснул себе сорокалетнего виски, добавил туда энергетика, подумал про кокаин, но отложил это на потом. Взяв в руки планшет, открыл текст выступления, пытаясь сфокусировать внимание на строках с его пламенной речью.

– Так, что там придумали эти умник, – бормотал он себе под нос, пытаясь хотя бы вникнуть в смысл написанного, – Приветствую вас, свободные граждане Соединенных Штатов Америки, живущие в самой демократичной, самой лучшей стране мира.

От чтения его отвлек звонок видеодфона.

– Кто это так поздно, может, Господин Президент крикнул? – с улыбкой подумал он.

Министр включил видеоскрин. Стереосъемка показала затемненную комнату, где в сумраке проглядывался силуэт грузного и очень пожилого мужчины, одетого в черный костюм, белую рубашку и галстук-бабочку. Лица толком не было видно, но министр сразу понял, кто это звонит.

– Рад вас видеть, Работодатель, – министр склонил голову на грудь в знак приветствия, – что вас заставило позвонить мне в такой поздний час?

– Этот скотина опять нажрался наркотиков до посинения? – без предисловий начал Работодатель. Его голос был злобным, скрипучим и отрывистым, – а тебя послал открывать Статую Новой Свободы вместо себя? Я ведь разговаривал с ним позавчера и приказал именно ему ехать на торжество. Статуя Новой Свободы не каждый день открывается.

– Господин Президент проходит курс реабилитации после очередной операции по омоложению. Уверяю вас, если бы он мог поехать – он бы это сделал, – начал было заступаться министр.

– Да хватит уже его защищать, – гаркнул Работодатель, – думаешь, я не знаю, что и ты был вчера на этой вакханалии? Однако нашел в себе силы поехать на церемонию и прикрыть этого старого наркомана.

Министр про себя усмехнулся. Он уже сбился со счета, сколько раз Президент омолаживался за время своего продолжительного правления. Все знали его пристрастие к выпивке и наркотиками.

– У меня к тебе дело, Оливер-Элизабет, или как тебя там, – медленно произнес Работодатель, – как ты смотришь на то, чтобы стать новым Президентом Соединенных Штатов Америки? Все равно в вашем гадюшнике ты самый образованный и можно даже сказать – самый сообразительный. Я давно слежу за тобой, и могу сказать, что ты приложил немало усилий, чтобы занять эту почетную должность.

«Этого не может быть. Неужели Работодатель все узнал? – подумал он про себя, – все, тогда я пропал».

Министр некоторое время молчал. От испуга пот вступил у него на висках и стал дергаться левый глаз.

– Что молчишь, Оливер? Язык от радости проглотил? – допытывался Работодатель.

– Это же невозможно, сэр, до окончания срока законно избранного нашего уважаемого Господина Президента еще 8 лет, – немного заикаясь, промямлил министр.

Он начал лихорадочно соображать – может это проверка? Может он где-то напортачил, реализуя свой тайный план? Работодатель сейчас сказал, что давно следил за ним. Возможно, он раскрыл его темные делишки, и тогда все пропало. В любом случае, надо попробовать прикинуться простачком и постараться выудить больше информации.

– Я не уверен, господин Работодатель, что справлюсь. Не знаю, готов ли я. Тем более, законы нашего государства, не позволяют мне выставлять свою кандидатуру на пост Прези-

дента. Ведь у меня нет необходимого опыта работы в правительстве США, есть уголовная судимость, и самое главное – мои дальние родственники переехали в Техас.

– Оливер, не говори мне, что веришь этим сказочкам про демократию и власть закона, которые ты сам придумываешь. Небылицы про свободу – это все для тупоголовых граждан США, – заявил Работодатель с нескрываемым сарказмом, – а для нас с тобой – это возможность управлять этим безмозглым стадом. Знаешь, что нужно сделать, чтобы управлять толпой? Для этого нужно сделать так, чтобы толпа целиком и полностью зависела от тебя. Я уже много десятков лет добиваюсь этого и почти что достиг намеченного. Первое, что я сделал – заставил отказаться наш так называемый народ, а на самом деле – толпу негодяев, скупердяев и предателей, – от всех глупых принципов, прививаемых нам сотни лет и мешающих свободно жить. Семья, вера в Бога, стыд, совесть, жалость – все это низменные инстинкты, которые необходимо с корнем вырвать из умов людей. Вместо этого я дал им намного лучше, совершенно иные эмоции – жадность, похоть, жестокость, чревоугодие. Хотя самое главное еще впереди – нужно искоренить из умов людишек само понятие о таком мерзком чувстве, как любовь. Как же я ненавижу это слово. Мать любит свое дитя, мужчина любит женщину, гражданин своей страны любит Родину, – Работодатель брезгливо поморщился, – нет такого чувства, его придумали, вбили в тупые головы баранов. Мне нужно, чтобы эти мерзкие человечки трахались, жрали, пили, ширялись наркотиками, убивали друг друга и не совали свой вонючий нос в мои дела. Вот что я называю эталоном свободного государства, вот моя цель.

Как ты думаешь, что произойдет, если мы полностью подчиним себе этот сброд? Мы станем для них богами, – возбужденно кричал Работодатель в камеру видеофона, – и ты, тот, кто много лет верой и правдой помогал мне добиться великой цели – боишься ответственности? Запомни, я добьюсь своего, с тобой или без тебя, а уж желающих заменить нашего уважаемого господина Президента найдется сколько угодно.

– Уважаемый Работодатель, – Оливер сразу обмяк, и даже стал немного заикаться, – ради нашей общей великой цели я готов стать Президентом.

«Это точно не проверка», – с облегчением подумал он про себя.

– Остается один небольшой вопрос, сэр. Как быть с пока еще действующим господином Президентом?

– Не переживай, я все устрою. Он впадет в кому, когда будет проходить послеоперационную реабилитацию и так и не сможет из нее выйти.

– Хорошо, сэр, – у министра отлегло от сердца, – Работодатель, могу я с вами обсудить некоторые предложения, которые я подготовил и хотел бы осуществить, находясь еще на должности министра?

– Говори, какие гадости ты еще придумал. Меня это, в некоторой степени, возбуждает, – радостно произнес Работодатель, – ты на этот счет мастер, я давно заметил. Принудительную эвтаназию и легализацию продажи своих органов еще при жизни – это же ты придумал? Мы всем покажем, что Соединенные Штаты Америки – самая свободная страна! Все будут у нас поголовно проститутками, гомосексуалистами, транссексуалами и наркоманами. Вот истинная свобода, а Соединенные Штаты Америки будет первой в мире страной Новой Свободы!

– Работодатель, первое, что я хотел бы сделать – легализовать принудительный ввоз иностранцев.

– Проще говоря, хочешь узаконить ввоз ворованных людей из Латинской Америки и доставку материала к нам, в США? Неплохая идея, одобряю.

– Далее, разрешить продавать тяжелые наркотики в школах и колледжах; узаконить проституцию с 16 лет, и самое главное – создать резервации для тех граждан США, кто не использует все свободы, созданные нашим государством, а именно – кто не употребляет наркотики, кто не участвует в социальной помощи чиновникам, в общем, всем, кто отвергает Новую Свободу и не платит за нее.

– По поводу резерваций надо еще подумать, – после короткой паузы медленно проговорил Работодатель, – а остальное, что ты сейчас предложил – одобряю. Будешь воплощать в жизнь свои идеи, когда станешь Господином Президентом. Это все вопросы на сегодня?

– Мои помощники по финансам посчитали, для реализации всех моих предложений в государственном бюджете не хватает средств. Нужно еще как минимум один триллион долларов.

– Хапуги и воры твои финансовые помощники, – видно было, что Работодатель недоволен, – все компании, созданные мной еще в двадцатом веке, до сих пор платят огромные деньги в бюджет США, а этим ненасытным финансистам все мало. Ты думаешь, почему Apple, Microsoft, Exxon Mobil, Lockheed Martin и десятки других монстров просто так, добровольно, за свой счет закрывают дыры в бюджете США? Потому что это мои компании, это я или мой отец, а может даже, мой дед давали деньги эти проходимцам, которые потом смогли развернуться. Это моя семья выбивала для них госконтракты, это мы через сенат протаскивали им освобождение от налогов, это мы покрывали их незаконные темные делишки. Теперь они исправно платят за свободу. Хотя еще один дополнительный триллион долларов даже они сейчас могут не потянуть. Сколько у нас осталось авианосцев?

– Еще три Работодатель. «Рональд Рейган», «Джордж Буш» и «Джеральд Р.Форд».

– Самый старый из них «Рональд Рейган», – задумчиво произнес Работодатель, – да, старина Рональд был еще тем засранцем. Продайте авианосец «Рональд Рейган». Китайцы его не купят, они сейчас сами научились клепать авианосцы намного лучше и современнее. Русские тоже не купят, у них появились такие технологии, что эти старые лоханки им не нужны. Индия купит, или Австралия. Если поторгуетесь, за полтора триллиона можете сбавить им старого Рони.

– Хорошо, Работодатель.

– На этом все, как там тебя...

– Оливер-Ванесса-Фресис-Элизабет, – тут же подсказал пока еще министр.

– Да, именно. Открой Статую Новой Свободы и действуй ради нашей великой цели. Не подведи меня, Оливер.

Экран погас, и министр обессилено откинулся в кресло.

– Сколько же лет Работодателю, если он знаком с Рейганом? – стал размышлять Оливер, – современные технологии позволяют омолаживать организм путем пересадки донорских органов, и делать такую операцию возможно бесконечное количество раз. Главное, чтобы имелся в наличии необходимый материал. В двадцатом и начале двадцать первого века умели пересаживать отдельные органы, но полную замену внутренних органов точно делать еще не могли. Конечно, можно пересаживать органы, выращенные по ДНК-технологии в инкубаторах, однако омолаживающего эффекта от такой замены нет. В чем же секрет такой долгой жизни Работодателя? Среди министров ходили слухи, что Работодатель вообще не имеет тела, у него функционирует только мозг, а все, что они видят на экране видеофона – руки, ноги, туловище – это самый совершенный на сегодняшний день биоморфный экзоскелет. Ладно, меньше знаешь – дольше живешь.

Министр самодовольно ухмыльнулся. Он не так прост, как всем кажется. Ведь это он уговорил Господина Президента в очередной раз сделать операцию по омоложению. Это он накачал президента наркотиками на той самой вечеринке, это он отправил его персонального доктора в Арканзас, якобы за свежим материалом, чтобы тот не смог привести его оперативно в норму. Это он намекнул, что может заменить его на открытии Статуи Новой Свободы. Его план начинал понемногу реализовываться, и ночной видеозвонок Работодателя яркое тому подтверждением. Хотя все пошло слишком быстро, министр планировал, что некоторые изменения в его статусе начнутся только после открытия символа новой Америки.

Быть господином Президентом Соединенных Штатов Америки – об этом он даже и не мечтал. Ведь он был всего лишь обычным, как их раньше называли, афроамериканцем из Чикаго. Звали его тогда просто Оливер. Он всегда был ленивым, завистливым и жадным. Оливер рос в небогатой семье, отец работал водителем трейлера, мать подрабатывала официанткой в соседнем кафе. Природа наделила Оливера смазливой внешностью, хотя телосложение у него было скорее субтильное. Учился он неохотно, да к тому же очень рано понял, что в Америке всего можно добиться другим, более легким методом. Первый раз Оливер такой вариант подвернулся в седьмом классе, когда учитель по физкультуре, здоровенный мужчина ростом один метр восемьдесят семь сантиметров, с накачанными мышцами и наголо побритой головой, предложил ему прийти пересдать зачеты вечером после уроков. Оливеру подобный метод получения хороших оценок очень понравился. Именно после этого случая у Оливера и появилась страсть к высоким и атлетически сложенным мужчинам. Потом был учитель по математике, а через некоторое время его начали приглашать в закрытые клубы. Там он и встретил одного немолодого афроамериканца – Эрика, который работал каким-то начальником в департаменте социального развития Чикаго. Эрик просто втрескался в него по уши. После окончания школы он устроил Оливера к себе в департамент, а когда Эрика перевели в министерство в Вашингтоне, он, конечно же, потащил Оливера за собой, выбив ему должность своего заместителя. И тут все мерзкие качества Оливера проявили себя во всей красе. Он без зазрения совести, при первой же возможности, подставил своего руководителя, и по совместительству, сожителя, а сам пролез на его место. Много кого еще пришлось убрать с дороги, плетя интриги, подставляя и подкупая, прежде чем он добрался до поста министра социальной поддержки Соединенных Штатов Америки. Сейчас его министерство занимало далеко не последнее место среди государственных учреждений. Многие министры и конгрессмены приходили к нему с просьбами выделить именно им социальных помощников помоложе и наркотиков побольше. Теперь на его горизонте яркой звездой засверкала должность Господина Президента Соединенных Штатов Америки. От такой головокружительной карьеры можно с ума сойти! Если все пройдет, как он рассчитывал, Оливер устроит такую вечеринку, какую до него еще никто не закатывал.

Когда он станет Господином Президентом, вот уж он развернется. Всех этих чистоплюев, этих белых образованных самолюбивых снобов, которые не хотят использовать все свободы, предоставленные им страной, он отправит в резервации. Хотят жить по старинке – заводить семьи, рожать детей, это их право, но всех их отпрысков мы будем принудительно изымать, воспитывать в интернатах и использовать, как нам захочется, – министр даже потер руки от наслаждения, а его половой орган начал возбуждаться, – Америка – свободная страна, а за свободу надо платить, и у каждого будет своя плата за свободу.

Была у министра еще одна идея, которую он не доверял пока никому – всех белых в конечном итоге уничтожить. С помощью геной инженерии создать вирус, убивающий только белых. Это раньше их называли грязными нигерами, потом – афроамериканцами, затем белые начали заламывать сами себе руки – ой, простите нас, мы вас угнетали, ой извините нас, мы ваших предков держали рабами, давайте мы вам компенсируем ущерб. Ха-ха. Теперь они носят гордое звание – Фёрстмены, и уж поверьте, мы не будем либеральничать ни с кем. Мы всех уничтожим. На этой планете останутся только Фёрстмены. Немного белых надо все-же оставить в качестве рабов, – подумал Оливер, – ведь кто-то же должен прислуживать фёрстменам.

Министр зевнул и сладко потянулся. От собственных мыслей на его лице играла самодовольная ухмылка.

Может позвать социальных помощников? – подумал министр, – неделю назад пришло пополнение, привезли новеньких. С сожалением он отогнал от себя эту мысль. Оливеру предстояло изучить свое выступление на завтрашнем мероприятии. Работодатель ясно дал понять

– не подведи, иначе он может оказаться в одной компании с Господином Президентом, а ему эта компания явно не нравилась.

После того, как разговор с министром завершился, Работодатель некоторое время смотрел на погасший экран видефона. Он не переставал убеждаться, что этим миром правят деньги, похоть, жадность. На этом он сделал даже не миллиарды, а триллионы долларов и фунтов стерлингов, забил свои огромные сейфы тоннами золота и десятками килограмм бриллиантов. Хотя самого главного он еще не достиг, как не старался. Сколько сил положено, сколько денег потрачено, а заветная мечта так и оставалась недостижимой, хотя порой казалось, что она уже в его руках. Еще небольшое усилие, еще пару сотен миллиардов долларов, и все, что он задумал – свершится, но судьба распорядилась по другому. С каждым годом его мечта становилась все недоступнее. Наверное, он до сих пор находил в себе силы поддерживать жизнь в остатках своего организма только ради несбывшейся мечты. Ничего, он найдет способ, он применит все свое умение, будет реализовывать самые мерзкие и коварные планы, подкупать предателей, убивать несговорчивых, чтобы проехать на открытом лимузине по улицам старинного города. А потом он сотрет его с лица планеты, выжжет адским пламенем, сровняет его с землей вместе с его ненавистными жителями и на этом месте построит гигантских размеров город–бордель. Соберет туда самых лучших проституток со всего мира, самых гадких прохвостов и предателей. На крышах небоскребов он откроет тысячи казино, в которых мерзкие и жадные людишки будут проигрывать миллиарды и прыгать с балконов, чтобы расшибиться в лепешку о дорожные спорткары. Это будет город греха, коварства и похоти.

Работодатель набрал номер директора ФБР. Этот служака, как обычно, сидел у себя в кабинете за огромным столом, в белой до блеска рубашке, в идеально выглаженном костюме, на котором не было заметно ни единой складочки. На столе у директора ФБР стоял компьютер с трехмерным голографическим экраном, видефон и виртуальная клавиатура, больше не было ничего.

– Рад вас видеть, – бодро поприветствовал его Директор.

– И тебе доброе утро, – небрежно бросил Работодатель, – скажи мне, что с реализацией проекта «Дезинфекция».

– Все готово, Работодатель. Сегодня начнем первый этап. Для максимального исключения неблагоприятных обстоятельств, я распорядился полицейским, стоящим в оцеплении, оружие не выдавать. У них будут только дубинки и шокеры.

– Действуйте по плану. С министром я поговорил. Этот слюнтяй сначала хвост поджал, пришлось на него надавить.

– Он согласился? – вопросительно взглянул директор ФБР на Работодателя.

– У него разве есть выбор?

– Отлично. С Господином Президентом что будем делать?

– Старый наркоман нам еще пригодится. Именно он должен будет отдать приказ, поэтому пусть пока живет. Введите его в кому, а там посмотрим.

– Хорошо, Работодатель, у нас все готово. Осечки не произойдет.

– Держите меня в курсе, Директор.

Меня поставили в оцепление практически рядом с трибуной, на которой должен выступать министр. Прохладный ветер гнал серые волны Атлантики по проливу. Они нехотя перекачивались через гальку возле берега, оставляя на камнях радужную пленку, пустые пластиковые бутылки, банки из-под пива и медленно откатывались обратно. Моросил мелкий, неприятный октябрьский дождик. Хорошо, что в окружной полиции, куда я прибыл по указанию моего шефа, выдали один из самых современных бронированных комплексов «Защитник 5». В нем было комфортно – встроенный климат-контроль создавал приятную температуру, совре-

менный экзоскелет удобно обхватывал руки, ноги и спину. Это был практически скафандр с тактическим шлемом, на откидывающееся забрало которого выводилась куча информации, в том числе температура воздуха, текущее время и даже прогноз погоды. К началу церемонии обещали улучшение погоды, затянутое серыми тучами небо должна сменить переменная облачность, а температура воздуха подняться до + 17 градусов. Удивляло только одно обстоятельство – по распоряжению руководства полиции у нас изъяли все оружие, оставили только дубинки и шокеры. При этом строго-настрого предупредив, что применять все доступные в снаряжении спецсредства можно только после получения прямого приказа от руководства.

Руководитель операции по обеспечению безопасности торжественного мероприятия со стороны полиции Мартин Миллер перед отправкой лично проинструктировал меня. Он долго и внимательно смотрел мне в глаза, что-то спрашивал, о чем-то предупреждал. Очень четко из его слов я понял одну важную мысль – надо быть готовым ко всему, а если случится какой-либо инцидент – тогда своим телом защищать дорогих гостей, а в особенности – самого министра. Допуск на это торжество строго ограничен, все приглашенные гости пройдут строгий контроль и проверку на пунктах досмотра, и все-же, от непредвиденных ситуаций, никто не застрахован. После инструктажа он выдал мне и еще трем полицейским по дополнительному супертонкому и суперпрочному кевларо-графеновому бронежилету.

– На всякий случай, – пояснил он.

Хотя, что может случиться неординарного, я не понимал. Сюда пригнали только одних полицейских тысячу человек, плюс служба безопасности ФБР, агенты которой сновали мимо меня в элегантных черных костюмах, плюс снайперы, плюс тяжелые дроны, как огромные серебристые жуки, постоянно стрекотавшие в небе.

Статуя Новой Свободы, конечно, поразила меня. Это было колоссальное сооружение высотой двести метров от постамента до вершины факела. Сам постамент возвышался над Гудзоном на сто метров и объединял в себе целый комплекс сооружений. С фронтальной части грандиозного монумента был оборудован небольшой порт, куда могли подходить как современные глиссеры, так и старомодные кораблики. Справа от порта оборудовали огромную посадочную площадку, где могли приземляться сотни самолетов. Вдоль искусственно отсыпанного острова тянулась современная набережная, утыканная голографическими экранами, камерами слежения и разнообразными датчиками. Повсюду стояли небольшие пластиковые кабинки для роботов-чистильщиков и мусорщиков. Прямо от порта к подножью статуи была построена целая эстакада движущихся эскалаторов, поднимающих посетителей на сто метров вверх. Все это сооружение напоминало египетскую пирамиду, на огромной скошенной вершине которой возвышалась Статуя Новой Свободы. Хотя, сам новый символ США вызывал, мягко говоря, двойные чувства. Прообразом статуи послужил трансгендер с характерными признаками женской особи фёрстменов – широкий нос и кудрявые волосы явно говорили об этом. Одна узенькая складка мантии была переброшена через левое плечо, оголяя правую женскую грудь достаточно большого размера. Ниже пояса мантия выглядела как коротенькая юбочка, открывая всему миру стройные ноги символа Новой Свободы. В левой руке символ свободы держал книгу с двумя датами – 4 июля 1776 г (день принятия Декларации о независимости США) и 25 сентября 2067 года (день принятия Закона о Новой Свободе в США). В корону статуи добавлен восьмой луч, символизирующий Новую Свободу, сравнительно недавно обретенную народом США. Этот луч был самый большой и издали напоминал рог, торчащий из головы статуи. В правой руке статуя держала факел, гигантских размеров бронзовое пламя которого вырывалось из чаши, имевшей отдаленное сходство с цветком мака.

Само торжество проходило справа от порта, где располагалась самая большая открытая площадка. Постепенно территория, отведенная для проведения торжества, наполнялась. Публика прибывала самая разнообразная. Среди разношерстной толпы выделялись солидные бизнесмены, которых стайками по трое-пятеро окружали роскошно одетые молоденькие девушки,

проходили однополые парочки, целовавшиеся врасплох у всех на виду, группы трансгендеров в экстравагантных одеждах, с красными, синими, и, модными сейчас, ярко желтыми волосами, шумно общаясь, рассаживались в центре. Добралась до острова на огромных и очень дорогих автолетах проповедники Коммуны. Они жили вместе большими группами до 150 человек. В Коммуне все считалось общим – деньги, машины, жены, мужья. Вальяжно разместились на своих местах многочисленные представители разнообразных сект – сатанинские, культ Вуду, Храм Света, Общество друидов и множество других. Чтобы не спровоцировать конфликт между сектантами, их рассадили подальше друг от друга. Присутствовали популярные певцы, шоу-мены, порноактеры и порноактрисы. Весь свет общества был приглашен на торжественное открытие статуи Новой Свободы Соединенных Штатов Америки.

К началу торжества осенний ветер разогнал тучи, выглянуло солнце, лучи которого косо падали на символ Свободы. Наконец-то огромный черный лимузин доставил на посадочную площадку Министра социальной поддержки Соединенных Штатов Америки. Он довольно бодро взобрался на трибуну и торжество началось. Заиграл гимн США и министр подошел к микрофону.

– Приветствую вас, свободные граждане Соединенных Штатов Америки, живущие в самой демократичной, самой лучшей стране мира. Сегодня мы присутствуем с вами не только на открытии Статуи Новой Свободы. Мы становимся участниками и творцами новой эпохи развития человечества, эпохи формирования истинных свобод, какие только может дать государство своему народу. Эта статуя – олицетворение вершины демократии, на которую может взойти современное общество. Свобода во всем, свобода жить как тебе хочется, свобода для граждан нашей страны удовлетворять все потребности, какими бы необычными они не были – вот к чему стремится наше государство. В то время, когда многие страны, прямо скажу, косо смотрят на нашу свободу, на нашу демократию, открытие Статуи Новой Свободы – наш ответ этим государствам и их тоталитарным режимам. В то время, когда Китай открыл вторую станцию на Луне, когда Россия отправила экспедицию на Марс, мы создали это колоссальное сооружение, олицетворяющее мощь нашего государства и незыблемый путь Новой Свободы, который выбрал наш народ. Правительство нашей страны, во главе с Господином Президентом, как и во все времена существования нашего государства, прилагает все усилия, чтобы сделать жизнь каждого гражданина свободной и счастливой. Это наша забота, это наша цель служения своему благодарному народу. И мы открыто заявляем – мы будем защищать нашу свободу. Все вы знаете, мои дорогие сограждане, что за свободу нужно платить. Да, эта плата порой бывает достаточно большой, но я спрошу вас, что бы вы выбрали – тоталитарный режим, запрещающий однополые браки, диктатуру, уголовно преследующую гомосексуализм, теократию, насаждающую ограничение свободы выбора или Свободу? И я ни секунды не сомневаюсь, что вы мне ответите – вы все выберете Новую Свободу.

Министр закончил свою речь под бурные аплодисменты собравшихся. Заиграл гимн США, пролетели несколько эскадрилий самых современных ударных самолетов, сопровождаемых боевыми дронами и под конец всего этого торжества в небе стали расцветать огромные светящиеся шары салюта.

– Ну вот и все, – подумал я с облегчением, – наконец то все закончилось и можно будет поехать домой.

Вымотался я конечно за эти дни колоссально. Три, а лучше пять кружек пива помогли бы мне снять накопившуюся усталость. Между тем команды на снятие оцепления еще не поступало. Я оставался стоять на своем посту, пристально следя за своим сектором, расположенным слева от трибуны министра. Сам министр, в окружении разных влиятельных особ, спустился с трибуны и стоял спиной ко мне в трех метрах от моего поста. Участники торжества начали расходиться, спускались с поста и шли по направлению к своим автолетам.

Мое внимание привлек один человек примерно в пятнадцати метрах слева от меня. Одеждой и поведением он совершенно не выделялся – дорогой костюм темно-серого цвета, белая рубашка, неяркий галстук. Небрежной и неторопливой походкой он направлялся в мою сторону. С первого взгляда казалось, что ничего особенного в его поведении не было. Меня насторожили его глаза и выражение лица. Это был тигр, высматривающий добычу. Все его органы чувств были направлены на министра. Инстинкт, выработанный годами работы в полиции, сейчас полностью контролировал мое тело. Мое зрение, слух и обоняние обострились, я следил за каждым движением этого типа. Как назло, рядом со мной не оказалось ни одного спецантанта ФБР, до этого постоянно сновавших мимо. Когда до министра оставалось не более десяти метров, я заметил характерное движение – его правая рука неторопливо полезла в левый карман пиджака. Вот он неторопливо вытаскивает из кармана коричневый бумажник и открывает его. И тут, непонятно откуда, в его левой руке оказался пистолет. Он стремительно вскинул руку и прицелился. Доли секунды оставались до выстрела. Оружия у меня не было, до этого типа было метров десять, а до министра – чуть больше двух. Мое натренированное тело сработало само. Я рванулся вперед, перекрыв сектор обстрела и своей спиной закрывая министра. Еще один рывок, и я валяю министра на асфальт. Уже в падении, я услышал характерные хлопки выстрелов, почувствовал три удара в броневые пластины спины, но к этому времени щуплое татуированное тело министра было уже плотно прикрыто мной. Я все еще лежал на земле, ожидая, когда придет подмога. Вдруг я почувствовал, как в спину моего бронескафандра стали бить бронебойные пули. Их удар ни с чем не спутаешь – стальной сердечник звонко клался о металл брони, выбивая искры. Их мощная кинетическая энергия вдавливала бронепластины, отзываясь в моем теле острой болью. Я насчитал пять ударов. Началась суматоха, завизжали женщины, забегали мужчины, кто-то включил сирену.

Наконец-то подоспела подмога, нас окружили сразу несколько спецантентов, подбежало минимум семь полицейских в бронескафандрах. Меня оттащили, спецантенты ФБР создали кольцо безопасности вокруг министра и быстро уволокли его в неизвестном направлении.

Двое полицейских взяли меня под руки, и потащили к автолетам полиции и скорой помощи, стоявшим в двухстах метрах от нас. Постепенно я начал приходить в себя. Бронескафандр мне помогли снять. На спине насчитали три пробития. Все пули, к моему счастью, застряли в дополнительном кевларо-графеновом бронезилете, выданном мне Миллером. Мысленно я сотню раз сказал ему спасибо. Без этой защиты бронебойные пули прошли бы меня насквозь, да и министру не поздоровилось. Хотя теперь вся спина жутко болела. Не удивлюсь, если несколько ребер сломано. По большому счету это все ерунда. Главное – я жив и практически здоров.

– Добрый день Работодатель, – директор ФБР выглядел мрачно.

– Виделись уже, – небрежно бросил Работодатель, – ну, что там произошло, рассказывай.

– Министру удалось выжить, – грустно сообщил директор ФБР.

– Это я уже знаю. Как такое могло произойти? У этого придурка оказалось девять жизней, как у кошки?

– Все шло, как намечено, Работодатель. Двойной агент выстрелил в него три раза, но министра успел закрыть собой один из полицейских. На этот случай я подготовил пять опытных снайперов. Им выданы бронебойные патроны. Когда полицейский накрыл министра своим телом, снайперы получили ориентировку, что это и есть террорист. Им дали команду стрелять на поражение. Однако у полицейского оказалась надета дополнительная защита в виде кевларо-графенового бронезилета. Все пули, которые пробили бронескафандр, застряли в ней.

– Министру очень повезло, – Работодатель был явно разочарован, – ладно, не захотел умереть героем, сдохнет как собака. Проект «Дезинфекция» продолжаем реализовывать. Факт нападения на первое лицо государства налицо. Сегодня сенат выдаст этому Оливеру-Элизабет

полномочия временно исполняющего обязанности Президента США. Можешь не говорить, что это не по закону. Закон здесь я. Начинайте шумиху в прессе. Обвиняйте сепаратистов во всем произошедшем. Теперь министру придется отдавать приказ, хотя это уже его проблемы. Он не такой конченный дебил, как Господин Президент, но ему придется это сделать. Это будет его плата за свободу. Директор, начинайте аресты. Сажайте всех, на кого хоть немного падают подозрения в связях с сепаратистами.

– Хорошо, Работодатель, я вас понял.

– Идиот, – подумал про себя Работодатель, когда экран видефона погас, – исполнительный, аккуратный, но идиот. Ни одной операции не провел чисто, всегда ему кто-то мешал. После завершения «Дезинфекции» надо найти ему замену, а этого отправить кормить рыбок.

Месяцем раньше.

Небольшой городок Редуотер, расположенный недалеко от северо-западной границы штата Техас, жил своей неторопливой жизнью. Здесь действовали законы штата Техас. Дети учились в школе с семи лет (в остальных штатах США с десяти лет), обязательное образование было девять классов (в остальных штатах пять классов). Никаких Новых Свобод, никаких наркотиков, гомосексуализма и прочих извращений, никакого деления на черных, белых, латинос или арабов. Все равны перед законом. Всех гомосексуалистов, лесбиянок, трансгендеров и тому подобных извращенцев в принудительном порядке выселили за пределы штата. Люди спокойно жили, влюблялись, женились, рожали детей, строили дома, покупали машины, ездили отдыхать на море. Техас стал первым из штатов Америки, открыто запретившим у себя все Новые Свободы, насаждавшиеся Вашингтоном. Вслед за Техасом ввести подобные ограничения собирались большинство юго-западных штатов. Первое время в Вашингтоне на причуды Техаса смотрели с усмешкой, но неожиданно для всех, в Техас потянулись граждане со всех концов страны. В основном приезжали люди, которых не устраивали Новые Свободы, которые хотели воспитывать своих детей в соблюдении элементарных законов порядочности и приличия, которые хотели спокойно ходить по улицам, не боясь быть ограбленными или убитыми. Они не хотели пользоваться так называемыми Новыми Свободами, а уж тем более платить за них.

Таких людей оказалось очень много. В основном, это были хорошо образованные специалисты, ученые, инженеры, военные. Техас стал символом неподчинения и самоуправления, противопоставив законодательство штата законам всей остальной страны. Сложившаяся ситуация не могла понравиться власти имущим и Техас попробовали задуть финансовыми средствами – перестали выплачивать зарплату госслужащим, полностью прекратили финансирование из бюджета социальных программ, увеличили налоги. Тогда Техас стал развивать свою промышленность, строить заводы и фабрики, вкладывать средства в наукоемкие разработки.

Вишенкой на торте стал закон, ограничивающий права населения штата – теперь все граждане Техаса считались людьми «второго сорта». На них не распространялись некоторые статьи конституции – защита жизни, имущества и свободы. Всех, кто поддерживал политику штата Техас, объявили сепаратистами.

Тогда свободолюбивый округ стал вооружаться, создал свою армию и силы безопасности, наладил производство оружия и боеприпасов. Вдоль всей границы начали возводить линии обороны. До вооруженного конфликта дело не дошло, но уже несколько лет на приграничных территориях происходили постоянные вооруженные конфликты с правительственными войсками.

Экономика Соединенных Штатов Америки переживала огромные проблемы – долговые обязательства страны достигли трехсот триллионов долларов, гигантская безработица, колоссальный дефицит бюджета. Отсутствие квалифицированных кадров внутри страны вызвало существенное падение производства. Корпорациям приходилось компенсировать дефицит

специалистов экспортом инженеров из других стран, заманивая высокопрофессиональных работников высокими зарплатами. Скоро стал ощущаться дефицит инженеров даже в коммунальном хозяйстве. Вывоз мусора, водоснабжение, очистные сооружения – все приходило в упадок. На сепаратистскую политику Техаса смотрели сквозь пальцы только по одной причине – в федеральный бюджет шли огромные суммы налогов, ведь формально Техас из состава США не выходил.

Редуотер имел статус приграничного городка. На всех основных въездах и выездах были оборудованы блок-посты, прилегающую местность патрулировали небольшие вооруженные отряды сил самообороны. Если удавалось обнаружить наркодиллеров, разговор с ними был короткий – их расстреливали на месте.

Одним из пасмурных осенних дней постовые на северо-восточном въезде в город заметили приближавшуюся колонну. Впереди ехала боевая машина пехоты, за ней двигались несколько БМП и бронированных джипов, в конце колонны просматривалось пять пассажирских автобусов. Вооруженные солдаты были одеты в форму сил самообороны независимого штата Техас. При въезде в городок колонну остановили, проверили документы и пропустили. В сопроводительных документах указывалось, что сводному подразделению сил самообороны приказано провести внеплановые учения по эвакуации гражданских лиц. Автобусы, сопровождаемые боевыми машинами, остановились около местного колледжа. Группы вооруженных людей зашли в здание, и через несколько минут солдаты начали выводить старшекласников и сажать их в автобусы. Все действовали слаженно, быстро, без суеты. На вопросы учителей и директора колледжа офицеры отвечали, что проводятся учения по эвакуации гражданского населения на случай чрезвычайных ситуаций. Приказ с электронной подписью командующего сил самообороны Техаса успокоил недоверчивых. Старший офицер еще раз повторил, что ничего страшного не происходит, не стоит беспокоиться, скоро всех вернут обратно. Вся операция заняла от силы один час. Когда автобусы были заполнены, колонна организованно отправилась в обратный путь.

Немногочисленное население городка начало подозревать неладное лишь спустя несколько часов, так как никто и не думал возвращать эвакуированных в неизвестном направлении учеников старших классов. Руководству сил самообороны и в приемную губернатора штата посыпались звонки и сообщения от возмущенных жителей Редуотера.

Губернатор штата Техас Ларри Эванс, и по совместительству идейный вдохновитель независимости и свободомыслия, собрал срочное совещание у себя в кабинете. Ситуация, сложившаяся в городке Редуотер, была не совсем понятная. Информации, что случилось с вывезенными учащимися колледжа, зачем это было сделано и где они сейчас находятся, не было никакой. Связь с ними также не смогли наладить – или у них отобрали видеофоны или поставили мощную глушилку, а скорее всего, сделали и то и другое.

– Майк, Генри, – обратился Ларри к командующему сил самообороны и руководителю службы безопасности штата, – доложите, что вам известно по поводу этого происшествия?

– Давайте начну я, – вставая со своего места, произнес руководитель службы безопасности штата Генри Митчел, – по моим данным сегодня, в 10:32 вооруженная колонна в составе одной БМП «Бредли», трех БТР «Страйкер», трех бронированных джипов «Хамви» и пяти автобусов проникла на территорию городка Редуотер. При въезде в город автомобили остановил патруль для проверки документов. Старший офицер предъявил электронную копию приказа сил самообороны Техаса о проведении внеплановых учений. Электронные коды были подлинными, но самого приказа в системе данных наших вооруженных сил постовые не обнаружили. Старший офицер сделал предположение, что приказ был подписан только что и еще не прошел обработку в электронной системе, после этого колонну пропустили в город. Хочу отме-

тить, все автомобили проникшей группы были раскрашены в маскировочные цвета, используемые силами самообороны Техаса, а форма солдат соответствовала форме бойцов нашей армии.

Боевые машины в полном составе направились к единственному колледжу города, где под руководством трех офицеров, солдаты произвели принудительную эвакуацию учащихся. На вопросы директора колледжа офицеры предъявили копию приказа. Через сорок семь минут колонна выехала из города Редуотер и направилась в сторону города Хоп. Всего вывезено 87 граждан штата Техас в возрасте от шестнадцати до восемнадцати лет. Где сейчас находятся похищенные люди и для чего это было сделано – не понятно. На мои запросы управление ФБР ответило, что не в курсе текущих событий, никаких учений по направлению служб безопасности не проводилось и намечено не было.

– Так, понятно, – Эванс нервно крутил стилус от планшета у себя в руке, – Майк, у тебя есть что добавить по сегодняшнему происшествию?

– К сожалению, я знаю не больше, чем доложил Генри, – командующий сил самообороны Майк Хопкинс поднялся со своего места, – по направлению военного министерства США также никто не в

курсе текущих событий. Никаких плановых и внеплановых учений не проводилось. Единственно, что могу добавить, со спутника наших друзей удалось проследить путь колонны – она добралась до города Хоп и там рассредоточилась. Вся военная техника вернулась на свои базы, а вот направление движения автобусов к настоящему времени отследить не удалось. Мы сейчас работаем над этим.

– Могу подтвердить слова Майка, – добавил руководитель службы безопасности, – на автобусах была отключена система позиционирования. Мы попытались подключиться к системе контроля дорожного движения, но все видеофайлы за последние несколько часов были удалены.

– Ну что же, господа, – Эванс наконец положил ненужный стилус и обвел пристальным взглядом присутствующих на совещании, – что будем делать, какие будут предложения? Самое главное – не понятно, кто это сделал и зачем?

– Господин Эванс, – поднял руку министр образования штата Энтони Уайт, – если колонна завершила движение в городе Хоп, предлагаю слетать к мэру города и выяснить, может он знает в чем дело и где сейчас находятся наши граждане. Я могу прокатиться к нему, тем более, что я его знаю. Мы вместе работали в министерстве социальной поддержки в Теннесси.

– Очень хорошо Энтони, слетайте. Майк, выделите господину Уайту охрану и автолет.

– Мне кажется, сэр, будет лучше, если я полечу без охраны. Мэр города Хоп очень эксцентричный и несдержанный фёрстмен. Не могу предсказать его реакцию, если он увидит военную технику нашего штата. Мне нужен только современный и скоростной автолет, но это должен быть гражданский автолет и водителя лучше переодеть в гражданскую одежду.

– Хорошо, Энтони, можете лететь. Как только у вас будет какая-либо информация – срочно сообщайте мне, – Эванс потер рукой подбородок, – господа, какие будут еще предложения?

– Сэр, у меня есть хорошо защищенный от обнаружения дрон, подарок наших друзей – сообщил Генри Митчел, – напичкан самыми последними технологиями. Могу направить его для проведения разведки, пусть полетает вокруг Хопа. Попробуем подключиться к местной полицейской сети, посмотрим данные с серверов управления движением в городе. Может, что-нибудь найдем.

– Согласен Генри, выполняйте. – губернатор кивнул в знак одобрения.

– Сэр, только что ко мне на планшет пришла информация, – оживился руководитель службы безопасности, – мои аналитики докладывают – на северо-востоке города Хоп несколько часов назад пять автобусов одновременно подключились на станции подзарядки. Если судить по затратам времени, вполне вероятно, что это именно те автобусы, которые перевозили наших

граждан. Мои специалисты сейчас попробуют подключиться к бортовым компьютерам этих автобусов.

– Действуйте, – одобрил губернатор, – напоминаю, всю информацию докладывать мне лично. Митчел, вам поручается создать оперативный штаб, подключите все заинтересованные министерства и ведомства. У сотрудников штаба повысьте полномочия до максимальных.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.